

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Год издания 31-й № 146 (4112)

Суббота, 28 ноября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ЧИТАЯ письмо Центрального Комитета партии о рациональном использовании электрической энергии в народном хозяйстве, я понял: письмо обращено ко мне. Говорю об этом без всякого преувеличения. И я убежден — то же чувство испытали миллионы людей во всей стране. В том и могущество мудрого, прямого, откровенного слова нашей партии, что всегда обращено оно к сердцу и разуму каждого человека на советской земле.

Адресовано всем

Евгений КРИГЕР

«Не забываются о том, чтобы сберечь копейку, которая им дана, и она старается превратить ее в 2 копейки, а составляют планы на миллиарды и даже триллионы советские».

Дневник ПИСАТЕЛЯ

думал о том, как партия в новых условиях по-ленински учит министров и рабочих, инженеров и руководителей совхозов, учит всех нас превращать социалистическую копейку в две копейки. Только теперь за этими символическими «копейками» — вся сущность наших электростанций, первоклассных заводов, великолепно оснащенных научных институтов и лабораторий.

В том-то и дело, что экономия нам нужна сегодня не из-за бедности нашей, а из-за богатства, материального и духовного. Экономия электроэнергии, в частности, партия рассматривает как средство, побуждающее людей производства, техники, науки к новым исканиям, к новому движению вперед в использовании природных богатств на пользу человеку.

И еще одно место тронуло меня в письме Центрального Комитета, в нем сказано: в огромных заревах огня над городами бесцельно сгорает труд человека... Нам призывают ценить и беречь плоды труда шахтеров, добывающих уголь для электростанций, железнодорожников, доставляющих уголь в котла, энергетиков, имеющих дело со сложнейшей техникой, маневрирующих мощностями, чтобы всегда ровно и ясно горел свет в наших домах, на наших заводах.

Казаюсь бы, в письме речь идет о делах сугубо хозяйственных. Но и здесь проявляется высокий гуманизм ленинской партии, советского строя жизни. Все во имя человека! Человек — превыше всего!

На одной из электростанций Ленинграда я услышал профессиональную поговорку энергетиков: — Электричество неправды не любит.

Другими словами, электричество не прощает малейшей небрежности, промахов, ошибок. Ничтожный просчет грозит аварией, замыканием, выходом из строя важных агрегатов. Будем помнить об этом. Ведь это касается всех нас. Нередко я замечал, например, как в сия-

нии дня вдруг загорается сотни светильников на улицах Москвы. Горят и горят бесполезно. Может быть, это вызывается какой-то технической необходимостью? Но и в этом случае пора бы придумать какой-то более экономный способ проверки системы. Таких примеров — тысячи.

Наш общий долг — помочь несправочному наращиванию технических ресурсов страны. Не малую роль могут сыграть здесь книги, журналы и газетная статья, слово литератора в помощь большому партийному и государственному делу.

И все же... И все же, выходя из рабочей комнаты, из любой комнаты, где никого не остается, не поленитесь выключить свет.

Ведь это так просто.

Лев УСПЕНСКИЙ

НЕДАВНО мне рассказали одну поучительную историю. Лет сорок пять назад жили в Петрограде два друга-гимназиста. Оба учились на Васильевском острове, изучали вместе «консультку теппору» (было такое правило в латинской грамматике), разгадали многоочлены на множители; рядом стояли по ночам в очереди на Шаляпина и «художников», оба были влюблены: заочно: этот — в балерину Люком, тот — в певицу Липковскую... Словом, росли они и жили, как жили многие их сверстники в округ.

Потом грянул гром, и судьбы одинаковые стали судьбами разными. В двадцать лет один из друзей громко интервентов, защитника молодую республику, а его друга в эти же дни поезд унесла в западные края, прочь от революционных бурь. Потом, когда первый стал молодым советским ученым, химиком, забыл, как выглядит удивительный орел и как пишется буква «ать», второй, где-то там, не то в Дакоте, не то в Орлеане, унаследовал от родителей французско-американскую маленькую книжечку записочек и все еще писал в дневниках «целовать ее руки».

Гром грянул вторично. В январе 44-го года ленинградец был ранен во время прорыва блокады и лежал в госпитале в Лежайске. В том же январе органы видневского начальства переломали гестапо как одного из самых законспирированных и до последних дней оставшихся вне подозрения мафи.

В наши дни пути человеческие непостоянны. Полуфранцуз вернулся в Россию, поселился в Москве. В журналах были напечатаны две-три его заметки о движении Сопротивления. Однокашники назвали друг друга. Новый москвич пришел к старому ленинградцу и сказал по правде, не стыдясь своих слез, слухи с вокзала на Васильевский через ветреную, сызную Неву.

Город они осматривали не по туристским, — по своим собственным маршрутам. И вот светлым, теплым вечером где-то в начале не примечательном месте гость остановился и взял за руку хозяина. — Нет! — сказал он вдруг. — Не могу пожать! Зачем вы их сюда не возите? Почему вы им этого не показываете? Хозяин не понял. Тогда гость разразился бурным монологом.

— Да пойми же ты, — шумел он. — Когда они приезжают отсюда, вы ведете их на огромные заводы, но заводы у них тоже есть. И не плохие. Вы показываете им наши высочайшие здания. Они говорят: «О!» — думают о небесных Нью-Йорке... Метро! Да, оно роскошно, но ведь парижское метро длиннее и тоже работает. Так почему же вы не при-

УСПЕХА ВАМ, ДРУЗЬЯ!

Вчера оперой Д. Аюшеева «Побратимы», посвященной о дружбе русского и бурятского народов, в Москве открылась Бюджет бурятского искусства и литературы. Это — вторая встреча с деятелями культуры республики. Первое знакомство состоялось в 1940 году. Выросли и окрепли за это время кадры национальных деятелей культуры, появились новые театры. В 1940 году в Москве бурятская опера «Эки-Булаг батор», оперы «У подножья Саяна», «Побратимы», «На Байкале», балеты «Ирсавица Ангара», «Свет над долиной», «Золотая свеча», «Во имя любви» и опера «Низы Мгора».

На снимке: заслуженные артисты Бурятской АССР М. Чайван и М. Сидельникова, дирижер Ч. Павлов. Фото А. Няшева

ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ

Лев УСПЕНСКИЙ

везде их всех — миллионеров и заводчиков, кинозвезд и чиновников, учителей и рабцев — сюда и не покажете им этого? Ведь это-то для них совсем непредставимо! Этого они и во сне не видят...

Ленинградцев в некотором недоумении оглядела. Вокруг все было совершенно непримечательным. Светилась витрина «Гастронома». Проезжали автобусы. Шмыгали такси.

— Позвольте. Что «этого»? И тут гость взял хозяйка под руку.

— Да, да, — проговорила она, — конечно! Ты тоже этого не замечаешь? Ты, как наша Женяева: она жила всю жизнь на виноградниках и не понимала, почему нас, горожан, измучает тающий воздух, чистый воздух... Она никогда не выехала другого... Ну, ладно, попробуй объяснить...

Ты помнишь, как мы с тобой тогда в тринадцатом каждый день ходили в гимназию по этому самому Большому проспекту. Мы шли. Мимо нас бежал народ, много людей. На всем протяжении улицы горели фонари, сиял витрины, грохотались дома. Это было нашей жизнью, и мы часто говорили (спорили) о будущем. Ну вот, представь себе, что ты тогда сказал бы мне: «Знаешь, через сорок пять лет Россия станет могучей технической страной; ее самолеты полетят через полюс... Корабли пойдут во все порты...» Ну что ж? Я бы пожал плечами: «Ой ли! Но, впрочем, — возможно».

«Да, — сказал бы ты, — и мы, русские, первыми полетим на Марс!» Я (да почему — я? Каждый в то время) улыбнулся бы. Ну, дружок, не покое... Однако, конечно, чем черт не шутит? Умом Россию не обмань...

И вдруг ты сказал бы мне еще: «А главное — вот тут, на этой улице, мы с тобой будем стоять через полвека, и вокруг нас так же будут спешить люди, крутятся колеса, браться отсыреть окна магазинов, но на всем протяжении проспекта не будет ни одного собственного владельца ни одного хозяйчика... Ты не сможешь позволить возникнуть на «собственной» земле, не сможешь купить землю, исполнить в собственной записке. За всеми стеклами, за грудами товаров не будет ни одной старой ведьмы, сущей вырочку за чулок, ни одного бражника, подчитывающего свой черный доход при свете лампы. Все это — товары, кассы, склады, витрины — будет государственное, народное...» Ты представляешь, что я бы тебе ответил тогда? Я бы ничего не ответил. Я бы пошутил тебе люб: каких это ты утонил научился? А ведь вот это из чудес чудое, вот оно — перед нами. И вы ходите в его сиянии и не замечаете его, как моя орденская Женяева не замечала чистого воздуха... Вот что меня бесит! Изменили в мире самую его ось; вынули одну пружину жизни и вставили другую. А гордитесь чем? Вот это покажите чудачкам: растолкуйте, что это — у вас есть, тогда увидите...

Когда я впервые услышал про этот случай, я задумался. А потом... а потом я действительно попытался посмотреть вокруг себя новыми глазами, и стал замечать то, мимо чего часто проходил, «как Женяева мимо чистого воздуха».

В одном из романов М. Пришвина рассказывается о юном русском студенте, мечтающем о бебелевской, пролитанной социал-демократизмом Германии конца XIX века. Она рисуется ему как дивная, почти невероятная страна, где вдоль шоссе растут без охраны фруктовые деревья, и никто не срывает с них еничных, народу принадлежащих фруктов.

Герой романа прибывает в чудо-страну, и она поражает его еще больше. Изнывая от жажды, на своем волосепе он едет между увешанных сочными плодами вишен, но, конечно, не срывает ни одной: она же явля, их нельзя рвать. Но лесник угодает его: кушайте, кушайте, они для того и посажены, чтобы их рвали все...

Мне вспомнился этот отрывочек, потому что я подумал о великой дали, отделившей нас от тех лет и от того мира. Тогда и на самом деле в нашей неграмотной, невежественной, «убойной и обильной» стране нельзя было мечтать о яблоне, растущей не за забором и погрытой плодами. Горюх, и тот скосовый мужик селая подал от дорю: «Не стоить надеяться, сколько натопчут!» Хороший хозяин в ладальнике у избы никогда не сажал куст сирени или жасмина: вырастет, так забор не наставится. А теперь...

За Краснодаром, по пути к Славянской, на Кубани двумя километрами тянется между двумя рядами тенетских абрикосов. В середине лета вся земля под ними усыпана сукоико-оранжевыми шариками плодов. И люди с корзинками сполноко собирают эти плоды, никому не принадлежащие и принадлежащие всем. Никого, решительно никого это не удивляет. А наша городские розы?

Ленинград, как и другие большие города, за последние годы летом превращается в огромный розарий. Перед Базанским собором на Невском, в Пушкинском сквере и вокруг памятника поэту, в парке Победы, на набережных,azole расстреловского Зимнего дворца утром и белой ночью, в полдень и вечером бесчисленные розы поднимают к северному небу свои дивные пряно и влажно лички. Штамбовые и бордюрные, чайные и пуповые, обыкновенные и ремонтантные, — я не специалист по цветоводству! — они благоухают повсюду, великодушные в своей величавой беспомощности; по моему, у атак роз даже и шипов не заметно за бесчисленными цветами. И когда я прохожу мимо них, я думаю порой, что тот «орлеанец», если бы я думал в 1913 году нарисовали картину такой «долины Казань-лыка» над Невой, он ведь точно не поверил бы...

В Павловске и в Парском Селе дачевладельцы тогда тоже разводили розы, но

никакие сторожа, никакие заборы не могли уберечь их плантации от разгромов.

Удивительная вещь, чем все-таки объясняется такая перемена нравов? Мне кажется, дело не просто в выросшей честности, не только во вновь роившейся сознательности, в новом понимании своего и общего. Все это — тоже есть, но имеют и более глубокие причины. В 1944 году в столице одной страны, ставшей затем демократической республикой, мне пришлось наблюдать отвратительную картину. Двое офицеров-американцев, похрустывая зелеными бумажками, побрякивая валютой, подражали змученым местным людям на distante нетрунные, но унижающие их достоинство «работы»: просящая на одной ножке до угла поперечной улицы, посылать наймателя на плечи, и донести до другого тротуара. Кто хочет доллар, парни?

Мне неприятно писать, но охотники находились. Неохотно, угромо люди протягивали ладони, прятая «валюту» в карманы и, криво улымаясь, нагибались перед работодавцами. Их окружала молчаливая толпа, и только поодаль три кругоглазые красноармейско-регулярщины, наткнувшись на эту сцену, бумажно клещи от возмущения.

«Товарищ капитан, — бормотали они мне, — да как же это можно? Это же воспретить надо! Табоек безобразия, эксплуатация какая...»

Одни из местных людей, оказавшись, поникли по-русски. «А почему ваши солдаты не шумят? — без всякого злорадия спросил он. — Ведь людям же дают зарабатывать... Деньги — всегда деньги».

От, как взорвались наши «солдатчики!» «Ну, знаете... Нам про это в школе рассказывали, так мы не верили, что может быть... Заработать! Да ты сунишь у нас в Кубышевье в кому хочешь, чтобы он тебе на одной ножке сказал; попробуй, пошлеть ему доллары! Да если бы мне кто сказал, неси такого ораису на спине, так я бы его...»

И мне стало удивительно ясно, как изменилось за время моей жизни самое понятие «денег», самое отношение к «барту», к «выгод», к «барыш», к «работе» в моей стране... Наше слово (Окончание на 2-й стр.)

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ФИНЛЯНДИИ

Находясь в Финляндии по приглашению Финляндских организаций писателей делегация Союза писателей СССР в составе А. Салынского, В. Игера, М. Таика и Р. Ованесова совершила поездку по стране, посетив Хельсинки, Тампере, Юваскюля и Порво. Во время поездки члены советской делегации имели ряд встреч с писателями и деятелями культуры Финляндии. 25 ноября посл СССР в Финляндии А. В. Заваров устроил прием по случаю пребывания здесь советских писателей. На приеме присутствовали министр просвещения Финляндии Хоса, финляндские писатели и деятели культуры.

- В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ: Е. Кригер. Адресовано всем. Л. Успенский. Чистый воздух. С. Маршак. Главы из книги. Н. Москвин. Затруднители жизни. И. Андроников. Свято помнить и чтить. Г. Николаева. Умение писать и умение сокращать. М. Турсун-заде. Новые стихи. С. Калашников. Любимая мозоль. Фельетон. Стерно Спассе. Письмо другу. Лазар Силичи. Литература орлиного полета. В. Елисева. Тост Хаджи Брегу.

В ГОСТИ К ТУРКМЕНСКИМ ЛИТЕРАТОРАМ

По приглашению Союза писателей Туркмении в Ашхабад приезжает большая группа киргизских писателей. В течение десяти дней гости будут знакомиться с жизнью братской республики, ее литературой и искусством. В составе группы — Тамиркул Уметалев, Кубанчыбек Маликов, Тонтоболот Абдумомунов, Сулейман Заралиев, Смаг Шимиева, Насирдин Байтемиров, Чингиз Айтматов, Сергей Финшин, Байдула Сергозова и Соронбай Аюшеев. Писатели Киргизии посетят нефтяные промыслы Западного Туркменистана и молодой город нефтяников Небит-Даг. Совершат поездку в хлопководческие колхозы мургабской долины и на Каракумский канал. АШХАБАД (Наш корр.)

МЫ ЭТО СКОРО УВИДИМ

Медленно поднимается гофрированная дверца сейфа, осторожная рука бережно достает старую рукопись. Хорошо сохранившиеся листы испещрены поправками, сносками; на полях узким столбиком вынесены пометки, слова подчеркнуты одной, двумя короткими линиями, некоторые очерчены, словно взятые в рамку. Нас охватывает волнение — мы видим знакомую каждому из нас по фотокопии не повторимый почерк Ильича. Статки, конспекты, тезисы. Но здесь не копии, это подлинники, написанные рукой Ленина. Отсюда, из хранилища ленинских текстов, начнется фильм-рассказ «Рукописи Ленина».

1905 года вышел первый номер созданной Лениным большевистской газеты «Вперед». Четвертый номер газеты, который мы внимательно рассматриваем, посвящен событиям 9 января — все его страницы почти целиком написаны Лениным. И вот появляется в кадре запись, сделанная рукой Владимира Ильича. Первая мысль о большой задуманной им работе: «Для № 6 не написать ли передовицу на тему Пробная мобилизация». Но вышел шестой номер газеты, мы следим за всеми ее полосами, а статьи этой нет. Есть, правда, другая статья Ильича «Две тактики», но той, о которой он сделал запись, нет пока.

ЗДРАВСТВУЙ, ЗИМА!

Под покровом ночи и тумана в Москву вступила зима. На трамвайной остановке ее первыми приветствовали последние пешеходы. Фото В. Ахлюмова

ВПЕРЕДЬ

Новые задачи и новые силы. Газета «Вперед» (№ 9), в которой была опубликована статья В. И. Ленина «Новые задачи и новые силы».

Ленин не покидает мысль о задуманной работе на тему о мобилизации пролетарских сил. Сохранившиеся ленинские записки помогают нам проследить это очень четко: «... (название, пожалуй, не годится, ибо слишком общее, почти шаблонно общее, не выражает перехода пролетарского движения в революцию)». И чуть дальше, в следующих строках, есть такая строка, написанная той же рукой: ЗЛ. дня=вост. Так рождается новое название, — мы его видим: ЗЛОБА ДНЯ. Оно подчеркнуто двумя энергичными чертами. №№ 7 и 8 «Вперед». Статьи еще нет. Почему жай? Мы узнаем это из записки, где Ленин критикует первоначальный набросок статьи.

«Статья недодумана, — записал Владимир Ильич, — недодумана. Поэтому ясного развития строго определенной мысли нет. Это газетные наброски, силуэты, беседа, «мысли и заметки», а не статья». Киносценарий о вдохновенном творчестве Ленина, о страстном публицисте, его суровой требовательности к каждой своей строке, слову, ведет нас дальше и дальше, показывая доходчиво и осязательно, как родилась статья «Новые задачи и новые силы».

«Люди есть, никогда не было у революционной России такой массы людей, как теперь», — страстно, горячо, с верой в светлое будущее пишет Ленин.

В этой статье еще и еще раз предстает перед нами Ленин, как гениальный мыслитель, пламенный публицист, вождь пролетарской революции.

Коллектив московской киностудии научно-популярных фильмов, авторы интереснейшего киноисследования режиссер Ф. Тютин и сценарист Г. Фрадкин, работавшие над ленинскими документами в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, сделали первую попытку показать, как рождалась ленинская строка.

К 90-летию Владимира Ильича мы увидим этот фильм на экранах страны.

А. ЛАЗЕБНИКОВ

Умение писать и умение сокращать

Галина НИКОЛАЕВА

ДАЖЕ ТЕ, кто ни разу не видел Невы, Днепра, тихого Дона, навсегда запомнят их со слов Пушкина, Голая, Шолохова. Реку Хилек не всякий найдет на карте, и голос ее еще не в полную силу прозвучал со страниц романа Бараяда Мунгонова. Но читая роман, испытываешь радость, узнавая в далеком родные черты, испытываешь любовь к сопереживанию с незнакомыми и своеобразным.

«Меленное широко рассыпавшись по степи, идут овцы. Если смотреть издали, то кажется, что это сама долина сдвинулась с места и ползет, ползет куда-то...» Скот здесь — главное богатство. И сколько людских судеб в живых человеческих страстях, сколько жарких споров и жестоких конфликтов связано с ним!

Бурятские комсомольцы, наперекор скептикам, сражаются в своем краю за кукурузу, дымом костров защищая ее от беспощадных ветров Забайкалья. И девушка Санжидма в волненье шепчет кукурузе: «Миленькая моя, расти большой! Инвалид-сторож и одинокая чабанка в заброшенном летнике мечтают о пастбищах, спрятанных за перевалом. Старый бурят Дамдин горюет о том, что беде будет трава. «Поглядишь на луг — трава, что молодая шерсть на вылинявшей собаке». Весь многолетний опыт говорит старику Дамдину, что скашивать траву до обсеменения значит с годами привести луга к обнищанию. Но председатель колхоза Ширабон и бригадир Вазаров, заботясь не о колхозном будущем, а о том, чтобы первыми отпарковать от окочанин козовницы, заставляют преждевременно скашивать еще не обсеменевшие травы. И старый, мудрый Дамдин выходит из себя: «...разъяренный, забавно подпрыгивая, вертелся вокруг Вазарова, поднося ему прямо к носу кукурузу...»

Точными штрихами рисует автор председателя колхоза. Ширабон не оперный злодей. Когда-то он был горяч в работе и инициативен. Но неумелые руководители не поддержали его. Заселяя просе в колхозе — лодку выговор от председателя аймакского колхоза Тулхенова. Завел коз — ольп получил высканье. Вскоре Ширабон понял, что самое важное — «не портить отношений с Тулхеновым».

Ширабон изображает хитрые трюки. Вместо того чтобы улучшить дороги через перевал к тем дугам, о которых мечтают чабанка и сторож, он отдает эти луга соседнему колхозу: разом убивает двух зайцев — и от хлопот избавляет, и поднимает продуктивность в переселении на уменьшившуюся площадь. А советить точит, и «тягостное чувство... бес-

В Мунгонова, «Хилек наш бурливый». Роман. Перевод с бурятского В. Сергеева. Журнал «Свет над Байкалом», №№ 1-2, 1959.

Пришла зима. Человек, читающий газету, уже свыкся с этой новостью. Его волнуют другие вещи: политическая погода становится теплей.

было видно, что он давно уже перешел из юношеского в более солидный возраст. Впрочем, он всячески старался держаться с нашими усами гимназистами запросто, на равной ноге, пел с ними волные и задорные студенческие песни, аrote:

У студента под конторкой Пузырек нашли с гакторкой, У курстника под подушкой Нашли пудры фунт с осмушкой... Илк: Там, где тинный Булак Со Казанкой-рекой, Точно братец с сестрой Обнимается, От зарри до зарри, Лишь зажгут фонари, Веренщя студенты Шатаются...

Акимпандрова, как всегда, Лида Лебедева. Однако присутствие петербургского гостя не мешало. Она сбивалась и, покраснев, уступала место у рояля студенту, который легко и ловко сбивал любой мотив длинными, сильными пальцами с двумя перстнями — на указательном и безымянном. Я был значительно моложе всех присутствующих и в пении участия не принимал — стыдился показывать, что голос у меня еще совсем детский.

Однако студент обратил свое внимание и на меня. Узнав от кого-то — вероятно, от Лиды Лебедевой, — что я пишу стихи, он предвзято пристроил несколько моих стихов и предвзято пристроил несколько моих стихов и предвзято пристроил несколько моих стихов...

От его подноса, накрытого салфеткой, вкусно пахло блинами, топленым маслом и какой-то копченой рыбой. У меня даже засосало под ложечкой, — ведь я ушел из дому без завтрака. Послушавшись совета, я нажал ручку двери и вошел в номер. Первое, что попало мне на глаза в просторной и все же душной комнате, была роскошная шпиль студента, небрежно брошенная на спинку кресла. Со спинки другого кресла свешивались синие студенческие брюки со штрипками.

Вот они, наконец, эти «Коммерческие номера!» Вместе с несколькими взрослыми людьми — с двумя офицерами и дамой в широкой шляпе — вошел я в подвезд гостиницы. Бородатый старик-швейцар в

поношенной ливрее с давно потускневшими пуговицами и позументами поклонились вошедшим взрослым, а меня спросил: — Ты к кому, мальчик? Я назвал студента. — Пятнадцатый номер, — сказал бородач. — Только их, кажись, дома нету. С вечера не вернулись. И он указал рукой на доску, на которой под номерами висели ключи от комнат.

Хотелось пожелать Бараяду Мунгонову, чтобы в следующем его произведении сохранилось то же кипенье живой и своеобразной жизни, но чтобы оно было отмечено большим мастерством.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

СНОВА СТИХИ...

Звонки, посланья, телеграммы, а разговор один везде: «Сталинабад, Мирзо, с приветом! Наш дорогой Турсун-заде! Терпенье наше истощилось. Давно статью ты обещал. Поищи: газета есть газета. Нельзя же подводить журнал! Поторопись. О нас подумай. Учти особенность одну: Редактор главный негодует, на нас он валит всю вину. Читатель на тебя в беде: не видит он твоей статьи. И ждуть ее, как нам известно, за рубежом друзья твои». А в это время сочинял я поэмы первую главу, Красавица передо мною была во сне и наяву. Чтоб выразить ее движение, в которых молодость жива, Искал я образы и краски, искал я звуки и слова. К своей подруге обращался, брал у влюбленных интервью, Хотел прочесть в глазах любимой поэму новую мою. Ее черты искал я в поле, ее черты искал в саду. Я обошел родную землю с надеждой, что ее найду. И запах Родины вывая и видя жизни торжество. Я думал: вот моя поэма, вот песня сердца моего. Уже я создал образ милый, узнал повадки руки. Но ворвался внезапно писатель и телефонные звонки. Увы, спугнула телеграмма творение моей души. Но я сказал себе упрямо: стихи ты все-таки пишешь! Читатель все-таки их любит, их жар, волнение и восторг, И ошпебается, я знаю, в своих расчетах киноторг. Когда читатель мы уним законом светлой новизны, Когда стихи полны горючим, — могучей правдой полны, — Они взлетают, как ракеты, они, как спутники, парят, Они сверкают, не сгорая, в сердцах людей они горят. Так почему же новых, свежих стихов не просят у меня? Друзья, скажите: разве строки не плодоносят у меня? Иль ослабела, одряхла любовь друзей к моим стихам? Иль нет моей подруге дела до строк, что завтра я создам? Моя подруга появилась, когда я потерял строчку, Она вошла, ко мне склонилась, рукой погладила по виску. И в это ясное мгновение возникло то, что я искал. Свое ясное вдохновение, нашел начало всех начал...

Перевел с таджикского С. Линкин

— Дай-на, я вместо тебя посижу, а ты почитаешь. Уж у меня-то обязательно кончат!

ФЕЛЕТОН

ОСЕНЬ — рыжая лисица — разубрала дрожливые клены. На лужайку вышел широкоплечий дед Липатыч, он же Макарыч, с бутылкой ерофенца. Весь понытый индейской ерофенца, он улыбался озорно. Сияя лопь, дед с остервенением стал расчесывать любимую мозоль. Засим дед постелил попопу у копы, вслушываясь в дальний грохот электробойки. Но тут из копы вылезла живая гордчая-сибирячка, обжигая острым глазом. «Всяко бытает...» — прошептало в старческом мозгу. Отряхнув солому, гордчая разом полонила деду душу и проглотила: — Ну, паря, коли ты охот табунишь до полночи, то вспомяни свое бошоное детство! Липатыч натурушился.

Любимая мозоль

Слушая пену, пиво лет Широкоплечий дед... Верно, дед. Давай еще пивка. (В. Фирсов) Тот факт, что автор выпил пивка за компанию с дедом, заслуживает, конечно, красного отобрания в литературе. Неиско только, какое было пиво — жигулевское, рижское, ленинградское или, может быть, двойное золотое... Однако мы задержались на второй ступени. Итак, ступениа третья — «гордчая-сибирячка». С ней дело обстоит очень просто. Оба ее воплощения в лирике похожи, как две капли воды, как сестры-близнецы, которых даже мама-редакторша путает. В «Дне русской поэзии» они отделены лишь девятью страницами: Л. Ошанин И. Родественский Под ручку затишья И только слока-гордчая, годлячка Спокойна, сдержанна, полоня (1), на пряма. Расскажи, дедочка, Да ты, невеста-сибирячка, Сибирячка, сибирячка, Как ты обходилась Другие слушаешь без меня? грома.

Если бы «гордчая-сибирячка» умела говорить, она превозмогла бы свою бедственную гордость и проглотила что-нибудь вроде: «Эх, паря, неужто мы, сибирячки, не заслуживаем менее графического отношения к себе?» Как видите, для воплощения образа сибирячки нужен минимум художественных средств и некоторая доля ириности. Именно эта ириность придалась по душе Г. Флорову: Подоткнув шелка и ситы, Волный промысел любя(1), Сибирячки-молодцы Собирают там тебя. А как неуважительно пишут иногда молодые поэты о женщинах! Глаза превращаются в расклеванные остряки: И глядит на тебя, обжигая Острием недозрелых глаз. (В. Голубев) Поднимаем на ступенку четвертую — общиющую. Роль теоретика в «Первопукте» взял на себя Ю. Мельников. В программном стихотворении «Лирик» он пишет: Поет рожок, идет за стадом лирик, Поэзию берущий за рога. Правильно, чего там церемониться — берни ее за рота, трава, она и забодать может, ежели ее раздражить...

Дни русской поэзии в Литве

В Литве начались дни русской советской поэзии. Для участия в этом празднике друзья братских литератур в Вильнюс прибыла большая группа москвичей и ленинградцев. В числе гостей — поэты Михаил Светлов, Веримин Тушнова, Лев Озоров, Роберт Родественский и другие. В городах и селах Литвы состоится литературные вечера. Гости побывают на предпринятых мероприятиях, в колхозах. В Союзе писателей Литовской ССР состоялась первая встреча с гостями. Обсуждались проблемы современной поэзии.

Осмотрев все, что было в номере, я стал неволью прислушиваться к храпу. Он вовсе не был так однообразен, как показалось мне вначале: в нем было и хрипение, и мурлыканье, и бульканье, и свист. Как-то незаметно я и сам задремал и выронил из рук толстую книгу, между страницами которой была заложена моя новенькая тетрадка со стихами. Я приснес ее в книге, чтобы она не помялась дорогой. — Ммм... кто там? — сонным и недовольным голосом спросил студент. Я не знал, что и ответить. Вряд ли он запомнил мою фамилию. — Это я... Вы помните, вчера у Лебедевых... Вы просили заехать вам стихи для журналов... — А, поэт! — уже более бодрым голосом сказал студент. — Отлично. Сейчас я буду все с вашим услугом! Через несколько минут он вышел из-за ширмы в каком-то полостом халате, подпоясанном шнурком с красными кистями. Волосы прилипли у него ко лбу, нерасчесанная борода сбилась и смотрела куда-то в сторону. После долгого умыванья с мыльем и плеском он приглядел свои, уже слегка поредевшие, волосы, расправил бородку и, поморщившись, сказал: — Фу, какой вкус у рта противный! Будто всю ночь медный ключ сосал... Сельтерской, что ли, выпить? И, нажав ручку шифона, он нацелил себе полный стакан ципулей, пенистой воды. — Так-с, — сказал он, усаживаясь в кресло, на котором висела его борода. — Самоварчик закажем, а? — И, может быть, остринки с хреном... — добавил он медленно и задумчиво. Вызвав звонок полового и заказав самовар, осветрину и графинчик зубровки, он снова уселся в кресло и усталился на меня своими голубыми, но на это раз несколько мутноватыми глазами с красными прожилками в белках. — Значит, вы мне стишки принесли? Вот и отлично. Давайте-ка их сюда, давайте! Я молча протянул ему свою тетрадку. Он небрежно раскрыл ее и перевернул страницу, другую. — Так, так, — сказал он. — Почерк у вас отличный. Превосходный. Вероятно, по чистописанию пятерка? А? Немного обиженный, я проборотал, что чистописания у нас уже давно нет. — Ах, простите! Конечно, нет... Но пишете вы все-таки отлично, — сказал он, вновь раскрывая мою тетрадку. — Вы сами прочтете стихи или мне вам прочесть? — нерешительно спросил я, видя, как рассеянно перебарывает он страницы. — Нет, зачем же?... — сказал студент, позевывая. — Это же это с самого утра — да еще натоцкая — стихи читают? Стихи приятно декламировать вечером и, разумеется, в обществе женщин. Не так ли? И он сразу бросил мою бедную тетрадку в раскритый чехол, где лежали носки, платки, крахмальные потопнички и сорочки. В это время дверь отворилась, и в номер, скользя на мягких подошвах и поигрывая подносом с графинчиком и тарелками, вошла молодая женщина. — Что ж, кактус? — спросил студент, разворачивая салфетку. — Присаживайтесь, поэт! — Спасибо, не хочу, — сказал я сдвинутым голосом и, невольно поклонившись, вышел в коридор. Я уже ясно понимал, что стихи мои не увидят ни «Мира божьего», ни «Русского богатства»... Но взять их обратно у меня не хватило храбрости.

Потому и новые мозоли На руках бутрами наросты. (Ю. Мельников) А ну, покажь ладонь... Мозоль. ...носить на себе от камней мозоли. (В. Фирсов) И не липнет к душе размышлений репей (1), И удары сердца и сильней, и слышней... И увидишь и пот, и морщины на лбу, И мозолистых рук трудовую судьбу. (Ю. Шаньков) Стыдятся мозолистых рук, конечно, нечего. Стыдятся надо, дорогие товарищи, банального решения темы труда — при помощи мозолей или без оных. Ступенкиа вторая. Еще в 1953 году Твардовский сигнализировал о нашествии «дедов» в современную поэзию: Глядишь — роман, и все в порядке: Показан метод новой кладки, Отсталый ад, растущий пред И в коммунизм идущий дед. Но деды широким фронтом прорвались и в поэзию. Более того, поэт Михаил Скуратов в сборнике «Всполохи» («Советский писатель», 1958 г.) возвел леда в некий эстетический принцип: Я дявлюсь, что даже дед «давнотный» (1) Сам — примета нового в краю! Всех в соревнованье он дотопил, В нем народный нрав я признаю. После этого не удивительно, что в «Первопукте» деды пустились в самый настоящий разгул. Более 10 раз встает со страниц сборника полноценный дявлюсь...

«А что плохого, — спросят нас, — в том, что молодые пишут о дедях? Молодым веде у нас дорога, старикам веде у нас почет!» Никто не спорит: образ советского дедя — одна из литературных проблем. Не первоочередная, но проблема. Тем более, что и самим дедям любопытно почитать о себе: Дед пришел, индейкой (?) повятый, Рядом начал попопу стелить. ...Дед Липатыч, нащупав двустовку, Сморит в темень: — Глухая пора... (Б. Голубев) Деды смеются на девок Бродягам седыми... Деды смотрят, охочи табунишь у баюна... (В. Цыбли) ...Глаяя о погоде, дед-пастух Глядит на угасающее небо. (И. Бурсов) Литературные пародии Ты спрашивала шепотом: «А что потом?» Поставь была и ты была растеряна... Егидий Егустелен... Ты говорила, ахклиппавая: — Это все не лилювое? Поставь была не новая, Поставь была не новая, Отнасти балымотовая, Ты говорила «темор»: — На по, любимый, синяри... А я, вставая с птицами, Обидя с продавщицами, Твоем блики перелистывал, Ресничку за ресничку, Страницу за страницю, И челоуку, и прочая И ставил многоочка... Ты говорила шепотом: — Прочла, нехорошо потом... Кровавь была кровавню, Печать была печатню, Умел я восхитить ее, Умел и огорчать ее. А. РАСКИН

Заметки на лету

(из записной книжки сатирика) — Ну и люди, — вздыхала Лаша, — после каждого «но» обязательно ударят. Утог всю жизнь жег что-нибудь, но всегда находил оправдание: погорячился. Двух постыжно енула спичку, но никак не могла свести концы с концами. Мудрцы не любил голых истин: они смущали его идеальное целомудрие. Ген. ЦИФЕРОВ

НЕ ПЕРВАЯ МЕЩАНСКАЯ

Меня любил женщинами, Вся всякой декантатини, На десную напудрив, На Сретения, на Кудриния... Одна жила в Сонольниках, Она звала сонольником, Ты говорила нехоти: — Ну, не рифмуй во сна Умел и огорчать ее. А я во сна посвистывал. А. РАСКИН

ПРИВЕТ СЫНАМ СОЛНЕЧНОЙ АДРИАТИКИ!

Письмо другу

ТУНЬЯТЕТА, дорогой Александр Трифонович Твардовский! Разрешите по случаю великого праздника — 15-летия освобождения нашей страны от фашизма и феодально-буржуазного гнета — приветствовать вас по-албански:

— Туньятета! (Живите долго!)
Так встречали вас албанцы 11 лет назад, когда осенью 1948 года вы были нашим гостем.
Мы считаем вас нашим искренним другом. Василий Теркин и Никита Моргунов давно уже стали любимыми героями албанского народа. Поэтому мне хотелось бы, чтобы в дни нашего праздника вы, как друг, порадовались вместе с нами тому, как далеко вперед ушла моя родина по сравнению с тем, что вы видели 11 лет назад.

Если бы вы увидели нашу столицу Тирану! Правое же, вы не узнали бы ее — так она изменилась! Сколько появилось новых зданий, парков! Но больше всего красят город люди! Что, собственно, было тогда в Тиране? Две или три средние школы и начинающий театральный коллектив? Теперь в Тиране много школ и такой оазис культуры, как первый албанский университет. Многие из студентов легко и со вкусом проинструктуют вас по албански и по-русски из шедевров Пушкина, из «Василия Теркина» или «Страны Муравьи». И, наверное, вспомнилась бы вам студенческая пора.

У нас есть теперь свои театры, можно побывать и в драме, и в опере, на балете или эстрадном концерте. Вы можете увидеть оригинальную албанскую, советскую или классическую оперу или пьесу, будь то Шекспир или Глинка. Чайковский или Шостакович. Мы показали бы вам и албанский фильм с албанскими актерами.
Тогда, 11 лет назад, албанская литература, музыка, изобразительное искусство делали только первые свои шаги. А теперь вы встретитесь со многими поэтами, прозаиками, драматургами. Следуя методу социалистического реализма, они уже создали немало достойных наших времени произведений. В скульптуре и живописи мастера отражены народные чаяния, природа нашей солнечной страны. Мы имеем теперь и свои симфонии, оратории, оперы и оперетты албанских композиторов.

Да, да, теперь у нас нашлось бы что показать!

А помните, какой была Тирана? Совсем тихим городом. Теперь она живет жизнью комбинатов и заводов, в ней звенит смех малышей, школьников и студентов. Вам бы стоило поехать на один из комбинатов — текстильный комбинат имени Сталина. Помните, что здесь было? Волею, полное лагушек и комаров. А сейчас вырос новый город, горы текстильщиков. Подумайте только: прежде у нас не было даже простых сандалов, а ныне албанские инженеры, рабочие и техники производят ткани для всей страны. До освобождения мы могли только мечтать об этом!

Вы побывали во многих районах моей родины. С большой симпатией писали вы в журнале «Знамя» о людях Албании.

Но что вы тогда видели? Бедных, хотя и свободных крестьян? Теперь они не только свободны, но и счастливы, ведут зажиточную жизнь!

Правое же, дорогой Александр Трифонович, вам стоит еще раз проехать путь из Тираны в Братий и Вифкуте. Дорога снова пойдет через Мезеку. Здесь были поля, покрытые водой, и заболоченное озеро Тербюф. Островки виднелись среди них — островки, заросшие соснами, вросшими в землю. Сейчас по Мезеке проложены каналы; болото осушено, в деревнях, похожих на букеты цветов, бегают новые дойки. Поля Мезеке стали житницей Албании. Я уже не говорю о городах Фиере, Люшне, Влор. Они похорошели, в них появились свои предприятия.

А болото Малик, близ Корчи? Какой это был рассадник малярии! И здесь теперь раскинулись плодородные поля. На берегах реки Девол выросли новый город Малик и сахарный завод. Сахар, который крестьяне покупали раньше, как лекарство, мы производим ныне в достаточном количестве.

В деревнях Братий и Вифкуте, где у вас множество друзей, среди них и народный поэт Селим Хасани, и Мити Шоре, и многие другие, также произошли большие перемены. Они касаются не только новых домов, большая часть которых двухэтажные, но и культуры. Произвел переворот в самом сознании людей.

Я особо подчеркиваю эти слова: «в сознании людей». Ведь прежде во многих деревнях женщины не смели даже выходить за порог своего дома. Теперь девушки и невесты, все женщины, даже старухи, выходят на работу в поле. Немало женщин стали бригадирами, участвую на вечерних курсах, участвуют в драматических кружках, поют в хорах.
Помните ваш сердечный разговор с ребятами из деревни Братий, мальчика «в трусиках с бахромками, ботавками вокруг ног». На ваш вопрос: «Кем ты будешь?» — он без колебаний ответил:
— Министром.
Теперь он и его друзья, как многие и многие сыновья крестьян и рабочих, участвую в Тиранском университете, в университетах Советского Союза и других братских стран. Отцы этих юношей и девушек пахли землей или разводили скот в деревнях, а они, закончив образование, становятся директорами фабрик и заводов, преподавателями высшей школы, врачами, известными артистами или инженерами. Они строят гидроэлектростанции, осушают болота, работают агрономами в родных деревнях.

Дорогой Александр Трифонович, я рассказываю вам только о тех районах моей родины, которые вы посетили 11 лет назад. Однако если бы вы приехали к нам теперь, то увидели бы подобные перемены повсюду в Албании. И повсюду рядом с развивающейся экономикой и культурой, социальными и политическими изменениями увидели бы большое душевное богатство народа, в котором значительное место занимает любовь к советским людям. Ее хранят в сердце каждый албанец, потому что албанцы всегда находили у советского народа поддержку, истинно братскую помощь и преданную дружбу.
Порадуйтесь вместе с нами, Александр Трифонович.
До встречи в Албании!
Стерно СПАССЕ,
албанский писатель.

домов, большая часть которых двухэтажные, но и культуры. Произвел переворот в самом сознании людей.

Я особо подчеркиваю эти слова: «в сознании людей». Ведь прежде во многих деревнях женщины не смели даже выходить за порог своего дома. Теперь девушки и невесты, все женщины, даже старухи, выходят на работу в поле. Немало женщин стали бригадирами, участвую на вечерних курсах, участвуют в драматических кружках, поют в хорах.
Помните ваш сердечный разговор с ребятами из деревни Братий, мальчика «в трусиках с бахромками, ботавками вокруг ног». На ваш вопрос: «Кем ты будешь?» — он без колебаний ответил:
— Министром.
Теперь он и его друзья, как многие и многие сыновья крестьян и рабочих, участвую в Тиранском университете, в университетах Советского Союза и других братских стран. Отцы этих юношей и девушек пахли землей или разводили скот в деревнях, а они, закончив образование, становятся директорами фабрик и заводов, преподавателями высшей школы, врачами, известными артистами или инженерами. Они строят гидроэлектростанции, осушают болота, работают агрономами в родных деревнях.

Дорогой Александр Трифонович, я рассказываю вам только о тех районах моей родины, которые вы посетили 11 лет назад. Однако если бы вы приехали к нам теперь, то увидели бы подобные перемены повсюду в Албании. И повсюду рядом с развивающейся экономикой и культурой, социальными и политическими изменениями увидели бы большое душевное богатство народа, в котором значительное место занимает любовь к советским людям. Ее хранят в сердце каждый албанец, потому что албанцы всегда находили у советского народа поддержку, истинно братскую помощь и преданную дружбу.
Порадуйтесь вместе с нами, Александр Трифонович.
До встречи в Албании!
Стерно СПАССЕ,
албанский писатель.

До встречи в Албании!
Стерно СПАССЕ,
албанский писатель.

Тост Хаджи Брегу

ОН СИДЕЛ в стороне и с каким-то напряженным вниманием следил за происходившим в комнате.
Хаджи Брегу не все понимал. Люди, никогда ранее не встречавшиеся, через двадцать, тридцать минут знакомства вели себя, как закадычные друзья; заинтересованно расспрашивали друг друга о жизни, делились сокровенными мыслями, как бывает только между очень близкими родственниками.
Хаджи Брегу не понимал, зачем Ислам Буяри этот седой человек так любознательно расспрашивает гостя из далекой Москвы о плохом: о том, как 8 лет назад враги подожгли в молодом кооперативе все, что с таким трудом было создано. — фермы, склады, дома; о том, как разбегались из артели бедняки, напуганные вражеской агитацией. Правда, гости очень внимательно слушают этот рассказ и сочувственно кивают головами.

Все же Брегу считает, что лучше рассказывать гостям о хорошем. И когда об успехах кооператива «Виктория» заговорил Абдуль Брегу, его, Хаджи Брегу, сын, что-то дрогнуло в лице отца: загорелись светлые глаза под низко надвинутой шляпой, на плотно сжатых губах появилась улыбка.
Сын Хаджи говорил, а гости обстоятельно записывали в книжечке все — и о том, что урожай «Виктории» возросли вдвое и ныне в кооперативе вошло 168 семей (только 10 семей еще раздумывают: вступить или нет), и о том, что раньше здесь крестьяне вовсе не имели скота (был ли кто в Европе беднее албанского крестьянина!), а теперь на фермах — 56 коров, 350 овец. Абдуль рассказывал о школе, о детском саде.

Сын говорил, а старый отец его настороженными, внимательными глазами оглядывал лица гостей, словно спрашивая, понимают ли они, какое чудо произошло на его родной земле, понимают ли, что пережил он, старый крестьянин, вернувшись после долгих скитаний на чужбине в места, где родился.
Хаджи Брегу не умел произносить речи. Но когда, по обычаю гостеприимства, приезжим поднесли в маленьких рюмках золотистый мандариновый ликер, Хаджи Брегу попросил слова.

— Неподалеку от города Корчи, в нескольких километрах от кооператива «Виктория», есть долина, известная под названием «Долина слез». Ее хорошо знают во всей округе, потому что не было во всей округе семьи, которая не знала бы здесь слез, провозглашая в далекие земли отцов, братьев, сыновей. Ни плодородные долины Албании, ни ее могучие горы, ни богатейшие озера не могли прокормить человека, рожденного на этой истрадавшей земле. Пять столетий оборачивали ее турки, оставившие после себя немилосливую, ужасающую нищету и неведение. Вторгались в Албанию итальянские захватчики, хозяйничали здесь немецко-фашистские оккупанты... Цель у всех была одна (включая и местных богатеев) — грабить, грабить, грабить.
Покладли родные земли отцы, братья, сыновья. Ехали за заработком в Америку, Австралию, Францию. На родине старели и умирали жены-вдовы, росли дети, не знающие отцов.
Тридцать лет назад уехал из Албании и я. — так сказал Хаджи Брегу, и волнение, звучавшее в его глуховатом голосе, невольно передалось всем нам. — Оставил здесь жену, двух ма-

Албанский крестьянин

ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА

Пестрый, залитый южным солнцем береговой базис; яркие цветные пятна костюмов албанских крестьян, ковров, циновок, овощей и фруктов; светлые дома с окнами-бойницами на фоне тающих в голубом мареве недалеких гор. Все как будто из кинофильма «Великий воин Албании Скандербега». И только столбы с электропроводами и шуршащие по шоссе автомашины возвращают нас из глубин XV века в сегодняшнее время.

А в горах, в диком ущелье реки Мати, высокая белокаменная плотина гидроэлектростанции имени К. Маркса сдерживает напор зеленых вод искусственного озера с современными постройками по берегам.

За два месяца, в течение которых я работала во многих районах Народной Республики Албании, довелось мне увидеть немало интересного, красивого, своеобразного. Суровые, величественные горы и сверкающие яркой зеленью плодородные долины, лучезарный простор Адриатики и спокойная гладь озер, серебристые роши ольи и леса черных нефтяных вышек. И повсюду рядом с вековой старинной расцветает новое, молодое, современное. Повсюду видны следы свободного созидательного труда.

Ю. РЕЙНЕР

Разговор о будущем

Литература орлиного полета

НЕСКОЛЬКО недель назад благодаря счастливым стечению обстоятельств наш известный писатель Стерно Спассе, мой друг и коллега Фатмир Дьята и я одновременно оказались в Москве. Мы бродили по городу, вспоминая 1948 год, когда впервые приехали к Фатмиром Дьятой учиться в Литературный институт имени Горького, подражали Стерно Спассе, что он сделался студентом на «старости лет» (в 1964 году нашему «старому» исполнится полвека), радовались успехам советского народа.

В тот день нам вспомнилась строка из стихотворения молодого албанского поэта Вехби Скандери: «Счастливец, кто едет в Москву!» Мы в самом деле чувствовали себя счастливыми среди близких друзей в дружеской стране — они сделали наше пребывание в Москве еще более приятным, незабываемым.
Когда в те дни редакция «Литературной газеты» обратилась ко мне с просьбой написать статью о современном албанском писателе, мне вспомнились друзья — Стерно Спассе, Фатмир Дьята, Вехби Скандери, и я подумал, что, может быть, в рассказе об их жизни и творчестве мне более или менее удалось бы показать лицо новой албанской литературы.

...Мне помнится, что один из первых романов, которые я в молодости прочитал, носил интересное название «Почему?». Мне сердце очень чувствительно восприняло метания главного героя, который был свидетелем тягот жизни простого народа и, не находя другого выхода, не имея в жизни цели, покончил с собой.
Я тогда принял роман «Почему?», отрицавший действительность того времени, за революционное произведение. И только много лет спустя, во время национально-освободительной борьбы, когда у молодежи появился цель, ради которой действительно стоило отдать жизнь, — освободить народ от двойного гнета: фашистов и феодально-буржуазного режима, — только тогда я понял, что роман «Почему?» пессимистичен и ингибитивен.

Накануне освобождения нашей родины мне в руки попал еще один албанский роман. С его обложки приятно улыбалась милостивая девушка в черном платочке с белым воротничком. Это был рассказ о молодой учительнице Афердите, которая добровольно отправилась в глухую албанскую деревню с твердым намерением изменить ее лицо. Неожиданно в романе оказался сказочный конец — Афердита добилась своего: преобразила лицо деревни. Но вскоре я понял, что конец романа «Афердита» — утопия, мираж, порожденный в пустыне нищеты пламенной жаждой счастливой жизни.

Когда после освобождения я впервые встретился со Стерно Спассе, автором обоих этих романов, когда наблюдал за его работой в молодой албанской литературе, когда видел, с какой радостью учился на Высших литературных курсах при Литературном институте имени Горького, — тогда я еще лучше понял, что сделал Стерно Спассе, идущего нелегким путем писателя, одним из лучших представителей новой албанской литературы социалистического реализма.

В романе Стерно Спассе «Они были не одни», с которым советские читатели познакомились в русском переводе, крестьянин Гыня понимает, что освобождение от страданий и мук — действительность развивается перед второй мировой войной — в борьбе с

Лазар СИЛИЧИ, албанский писатель

эксплуататорами под руководством коммунистов. Французский журнал «Эроп», по достоинству оценив это произведение, — оно было переведено и на французский язык, — назвал его гуманной книгой.
Вскоре советские читатели получат перевод нового романа Стерно Спассе «Возвращение Афердита». Это та самая мечтательница — учительница Афердита! В огне освободительной войны горела ее прекрасная иллюзия, и она теперь как коммунист борется за построение изобильной новой жизни, за создание кооперативных хозяйств.

Стерно Спассе находится в расцвете творческих сил. Недавно он вручил мне, как редактору журнала «Нендори», свой последний роман «Алчущий» о процессах развития новой албанской деревни. Одновременно писатель продолжает работу над еще одним произведением: романом-памфлетом.
Если Стерно Спассе мы можем назвать типичным представителем старшего поколения писателей, только путь служения народу, то Фатмир Дьята относится к плеяде писателей, воспитанных партией в огне партизанской войны. Кто из нас в военные годы не распевал песен Фатмира Дьяты «К отмищенью, молодежи!» и «В тех скалистых горах», написанных в традициях наших старинных боевых патристических песен? Они явились прекрасным началом творческого пути молодого человека, который после освобождения стал одним из самых известных наших писателей.

В сборнике «Песни гор» Фатмира Дьяты немало красивых песен и отличная поэма «Песня о партизане Бенко», и все же у Фатмира Дьяты следует говорить как о прозаике. Его многочисленные рассказы, его новеллы «Вода спит, вода не спит» и «Тана» его романы «Разгром» о национально-освободительной войне нашего народа представляют собой ценный вклад в молодую албанскую прозу. Лучшая книга Фатмира Дьяты — «Болото».

Неподалеку от города Корчи в южной части Албании когда-то простиралось огромное заболоченное озеро Малик. Если бы иностранцы приехали в Малик теперь, то они увидели бы там поля сахарной свеклы и пшеницы, богатые фермы передовых сельскохозяйственных кооперативов, новые дома, сахарные заводы.

О социалистическом строительстве в этом уголке Албании и рассказывает роман «Болото». Его герои — строители, увлеченные страстным желанием строить новое будущее.

Фатмир Дьята — молодой писатель. Он родился в 1922 году в городе Корче в семье учителя начальной школы. В годы фашистской оккупации он сражался в отряде партизан. От народа, с которым связал он свою судьбу, Дьята унаследовал богатый, колоритный, журнальный, подобно водам ручьев, язык юмор и лиризм, так характерные для его произведений. От партии, членом которой он стал еще в партизанском отряде, он перенял непоколебимую веру в народные силы и триумф нового мира. Этой верой пропитаны произведения Фатмира Дьяты.

...Однажды в мой дом пришел неизвестный молодой человек, которому не

было еще и 20 лет, только что демобилизованный из армии, горевший желанием посвятить себя поэзии. Его звали Вехби Скандери. Это представитель, так сказать, третьего поколения наших писателей, вошедшего в нашу литературу с бурей и битвами строительства социализма. В то время Вехби Скандери, юноша из бедной крестьянской семьи, необразованный, обладавший одним лишь неутоленным желанием творить и сердцем певца, имел на «своем счету» только два опубликованных стихотворения.

Боле 10 лет прошло с тех пор. Бывший оборванный пастих окончил среднюю школу и сейчас завершает образование на литературном факультете Тиранского университета. Он один из лучших поэтов республики, певец пламенных и сильных чувств. Последние годы он успешно работает в области поэмы. Глубоко впечатлен производством драматический образ девушки-партизанки из его поэмы «Дорогами войны», на долю которой выпала в конце произведения великая и горестная доля — убить любимого человека предшествовавшего родину. Мы видим, как она шагает рука об руку с товарищами-партизанами с гордо поднятой головой.

Многими нитями связано с деревней вчерашнего и сегодняшнего дня творчество Стерно Спассе, Фатмира Дьяты, Вехби Скандери и большинства других албанских писателей. Долго еще будет их вдохновлять славное время партизанской войны, которое вошло в народные сердца и память подобно эпосам Скандербега. Но читатели по праву могут спросить: «А жизнь города, работы фабрик и заводов, большие стройки, которые сейчас меняют лицо Албании, когда же, наконец, их будет отражать литература?»

Вопрос справедливый. Уже есть произведения, которые до какой-то степени отвечают на него. Расширение тематики, более глубокое изображение реальной жизни, борьба за совершенные формы — таковы главные проблемы, которые ставят перед собой албанские писатели.

Сегодня, накануне 15-летия освобождения нашего народа, я с удовольствием сообщаю читателям факт, который радует нас всех, — из всего объема различного рода литературы, издаваемой в современной Албании, наибольшее количество названий — это художественная литература. Поэтому останавливаясь на творчестве всего лишь трех авторов, следует упомянуть и о нашем известном и разностороннем писателе Димитре Шутеричи, и о Шереф Мусаре, авторе прекрасных поэмы в новой албанской литературе, и о Шерефе Мусаре, авторе лучших наших драм, о таких известных романистах, как Кин Души и Петро Марко.

Орел — самая почитаемая албанская народная птица. Двуглавый орел Скандербега изображен на национальном нашем знамени; орлами зовут у нас рабочих, прокладывающих туннели и строящих гидроэлектростанции; горным орлом мы именуем партию Труда, руководившую борьбой народа за свободу, стоящую сегодня во главе битвы за построение новой жизни. Стремительного движения вперед, гордо орлиного полета, зпического величия, лирической прелести спокойных волн любви Адриатики, истинные морской глубины и силы требуют наш народ от новой албанской литературы, и, добывая этого, трудятся писатели Народной Республики Албании.

В Албании
Рисунком Н. Воробьева